

УДК 165.1

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-5-16

Рациональность и виды нормативных оснований

А. А. Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы, связанные с возможными разрывами между требованиями рациональности и нормативности. Показано, что рассмотрение отдельного действия или утверждения с точки зрения практической, инструментальной рациональности невозможно без одновременного учета требований рациональности эпистемической. Лишь соблюдение постулатов обоих типов рациональности позволяет надеяться на то, что рациональные основания будут иметь необходимую нормативную силу. Показано также, что и это не гарантирует совершения субъектом действия на основе рационального рассуждения. Рассмотрена перспективная типология рациональных оснований Дж. Герта, описаны ее преимущества и недостатки.

Ключевые слова

рациональность, нормативность, рациональные основания, резоны, обоснование, Г. Шнедельбах, Дж. Герт

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00452

Для цитирования

Шевченко А. А. Рациональность и виды нормативных оснований // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 53–62. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-53-62

Rationality and kinds of normative grounds

A. A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper discusses problems related to possible gaps between the requirements of rationality and normativity. It shows that the analysis of a practical action from the point of view of instrumental rationality cannot be done without supplementing the context with the requirements of epistemic rationality. Only taking into account the demands of both types of rationality gives us hope to expect that the resulting rational grounds will have normative

© Шевченко А. А., 2019

force. It is also shown that even this normative validity doesn't always lead to the performance of the rational action. The author analyses the promising distinction of rational grounds offered by J. Gert and notes the strong and weak points of this approach.

Keywords

rationality, normativity, rational grounds, reasons, justification, H. Schnädelbach, J. Gert

For citation

Shevchenko A. A. Rationality and kinds of normative grounds. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 53–62. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-53-62

«Человек разумный» одновременно включает и описательную характеристику, и нормативное требование, основополагающее деонтологическое предписание использовать наши возможности наилучшим образом. Спорным вопросом остается принципиальная возможность оценки на рациональность не только средств достижения цели (инструментальная рациональность), но также самих целей и ценностей (рациональность аксиологическая). Как можно сформулировать критерии такой оценки? В современной аналитической философии рациональность целей и ценностей часто ставится в прямую зависимость от количества контрфактических допущений относительно контекста их обоснования. В рамках такого подхода наиболее рациональными считаются такие цели и ценности, которые избрал бы некоторый абстрактный и идеализированный индивид в гипотетической ситуации выбора, характеризующейся полнотой информации, заботой не только о краткосрочных, но и долгосрочных интересах, развитым нравственным чувством, способный к полноценному коллективному действию и т. д. Таким образом, предполагается, что работа с философскими абстракциями и идеализациями помогает формулировать все более сильные критерии рациональности.

Хотя понятие рациональности имеет множество интерпретаций – от слабых, когда она понимается как способность к мотивированному выбору, до самых сильных, где она фактически трактуется как нормативное предписание (о чем пойдет речь ниже), обычно необходимым критерием рационального действия или рассуждения считается его обоснованность. Наличие рациональных оснований – это минимально необходимый критерий, который позволяет отличить действие, основанное на доводах разума, от действий иррациональных. Такое понимание кажется настолько очевидным, что часто не только отдельные действия или рассуждения, но и рациональная деятельность в целом трактуется как синоним обоснования, отождествляется с поиском, отбором и формулировкой рациональных оснований.

В статье Г. Шнедельбаха содержится развернутая критика этого подхода, когда обоснование используется и для экспликации категории «рациональность» в целом [2017]. Такое истолкование, по мнению автора статьи, имеет три существенных недостатка. Прежде всего, оно слишком узко, сводя рациональное лишь к тому, что аргументативно или дискурсивно разрешено. Однако такая деятельность – лишь малая часть того, на что способны разумные существа. В качестве альтернативных вариантов он приводит, в частности, способность проверки реальности (Фрейд), учебу на ошибках и заблуждениях (Поппер), решение проблем в контекстах действия с обратной связью (Гелен), целеориентированный выбор средств (Вебер) [Шнедельбах, 2017. С. 299]. Вторая проблема заключается в круговом характере такой экспликации – та или иная концепция обоснования неизбежно уже включает определенное понимание рациональности. «... понятия “рациональность” и “обоснование” стоят в более точном круговом отношении, чем в герменевтическом круге, потому что обоснование должно быть само квалифицировано как рациональное, чтобы вообще иметь возможность быть примером (*exemplifizieren*) рациональности» [Там же. С. 302].

И наконец, недостаток такой экспликации в том, что она не учитывает принципиальную неоднозначность предиката «рациональный». Рациональность поэтому «...есть открытый концепт, который не может быть полностью эксплицирован для любого контекста (III)». Объясняется это, в частности наличием двух смыслов предиката “рациональный” – *недиспозиционного* и *диспозиционного*. Когда мы используем его недиспозиционно, то мы говорим о рациональных действиях, речевых актах, аргументах, нормах, т. е. о каких-то вещах и событиях в мире. В диспозиционном смысле предикат «рациональный» относится к «...персонам, системам или иным инстанциям, которым мы приписываем способность к созданию рациональных порождений (*Hervorbringung*) (в недиспозиционном смысле “рационального”)» [Там же. С. 306].

Соглашаясь с автором в оценке такого подхода, попытаемся ограничиться анализом предиката «рациональный» применительно к практическому действию. Что значит для действия «быть рациональным»? Стандартно здесь используется понятие практической или инструментальной рациональности. Рациональным считается действие, направленное на достижение некоторой цели в соответствии с такими постулатами, как эффективность, оптимальность выбора средств для достижения поставленной цели, и т. д. Однако критерии и постулаты, достаточные для признания действия инструментально рациональным, далеко не всегда обладают необходимой нормативной силой для субъекта действия.

Вообще говоря, связь понятий нормативности и рациональности может пониматься по-разному. В предельном широком смысле рациональность

понимается как общечеловеческий атрибут и императив. Тогда нормативность будет состоять в конкретизации этого императива в виде набора требований относительно нашего практического поведения или способов рассуждения. Такое понимание имеет место, когда мы говорим о нормативности морали, языка или права. Это системы внутренних или внешних предписаний. С другой стороны, нормативность может пониматься не как результат работы разума, а как некоторый еще более общий стандарт «должного», и тогда возникает вопрос о легитимации самой рациональности. В этом случае возникает вопрос «почему следует быть рациональным?».

В труде «О том, что имеет значение», вызвавшем многочисленные споры и отклики, Д. Парфит уделяет важное место изложению своего понимания природы нормативности, в частности, особенностям употребления таких понятий как, «резон», «рациональное», «правильное» и «неправильное» [Parfit, 2011. Pt VI]. Он работает в том же русле, что и другие современные аналитические философы, связывающие нормативность именно с рациональными основаниями, резонами, в отличие от других концепций, менее интересных с философской точки зрения, в которых как нормативность основана на правилах, привычках или психологической мотивации. Такую концепцию нормативности Д. Парфит называет концепцией рациональных оснований. Интерес Д. Парфита состоит в поиске объективных источников моральной нормативности, которые он трактует как «моральные истины». Основными оппонентами для него являются субъективисты в области морали, сторонники представлений о том, что нормативной основой наших оценок и поступков являются цели и желания. Д. Парфит же полагает, что опираться мы можем только на объективные основания. «Если бы таких нормативных истин не было, ничего бы не имело значения, и у нас не было бы рациональных оснований (reasons) пытаться решать как нам жить. Такие решения были бы произвольными (arbitrary). Мы не были бы животными, которые понимают резоны и могут на них отвечать. В мире без рациональных оснований мы действовали бы лишь на основе инстинктов и желаний и жили бы так же, как живут другие животные. Во Вселенной не существовало бы разумных существ» [Parfit, 2011. P. 619–620].

Для Парфита наличие таких нормативных истин не только необходимо для существования осмысленного мира, но и позволяет, в частности, добиваться согласия относительно способов нашего практического отношения к нему. За это отвечает его «тройная теория» морали, в которой именно теоретическое допущение о том, что во всех основных моральных теориях содержатся неизменные и «нередуцируемые» нормативные предписания, позволяет основным теориям морали, которые обычно принято считать конкурирующими, находить свой путь на вершину одной горы и там достигать конвергенции. Такой особый статус нормативных истин предпола-

гает и особое понимание того, как работают процедуры обоснования хотя бы применительно к отдельному практическому действию. Это, в частности, требует обсуждения вопроса о связи практической и эпистемической рациональности, с одной стороны, и рассмотрения напряжения и потенциальных разрывов между требованиями рациональности и нормативности – с другой.

В различных типологиях рациональных оснований выделяют самые разные резоны – внешние и внутренние, субъективные и объективные, практические и эпистемические, объяснительные, мотивирующие и т. д. Некоторые философы, например Б. Уильямс [Williams, 1981. P. 101–113], отрицают само наличие внешних оснований, утверждая, что все резоны для действия на самом деле являются внутренними, так как в итоге воспринимаются субъектом действия как нечто правильное, полезное или ценное для него в контексте принятия решения. Анализ этой позиции см. в нашей более ранней статье [Шевченко, 2018]. Следует лишь отметить, что главная проблема с такой интерналистской позицией в том, что здесь игнорируются многочисленные внешние основания для действия, которые зачастую не просто вступают в конфликт с нашими желаниями, но и берут верх. Это, например, ситуации, когда мы признаем безусловное существование каких-то моральных императивов или абсолютов. Однако интернализм важен в другом отношении. Как уже отмечалось, когда мы рассматриваем процесс принятия рационального решения, то возникает вопрос о том, какой субъект действия мы имеем в виду – реальный индивид со всеми его когнитивными и психологическими особенностями и ограниченный контекстом реальной ситуации или же некоторый идеализированный субъект, которому мы приписываем обладание всей полнотой информации, способность ее эффективно обрабатывать, быстро просчитывать вероятности того или иного действия и т. д. Анализ рациональных оснований для действия «изнутри», с позиции субъекта, принимающего решения, заставляет учитывать множество факторов, каждый раз в уникальной ситуации выбора. Можно ли помочь такому субъекту, создать какие-то общие алгоритмы, позволяющие как-то облегчить поиск и выбор нормативно правильного решения? В. С. Диев обращает внимание на множество серьезных проблем, встающих перед человеком, стремящимся принять «хорошее», «правильное» решение на основе рационального рассуждения. «Следующий круг проблем связан со стремлением любого человека находить непременно “хорошие”, “правильные” решения. А что такое “хорошее” решение? Видимо, оно должно оставаться таковым и спустя определенное время. Каковы критерии сравнения различных вариантов решения? Что же положить в основу принимаемых решений? Должны ли эти критерии учитывать только субъективные оценки человека, принимающего решение, или же возможен подход, кото-

рый позволяет находить методы, которые с одинаковым успехом применимы к разным людям и различным задачам? Может человек сделать точный рациональный выбор или же он может только приближаться к нему? Тем более что принимать решения приходится в условиях риска и неопределенности, и именно эти факторы характеризуют проблемы, стоящие перед современным человеком» [Диев, 2013. С. 42–42].

Реальная ситуация выбора делает необходимым разговор одновременно и о практической, и эпистемической рациональности, т. е. не только о поиске «хороших» оснований для действия, но и оценке на рациональность мнений, верований субъекта, методов, посредством которых он пытается установить истину. Ограниченная эпистемическая рациональность может приводить к разрывам между постулатами рациональности и требованиями нормативности. Другими словами, человек может субъективно полагать, что он выбрал наилучшее решение и соответствующий поступок будет рациональным, однако, с учетом всех соображений и фактов, оно может оказаться неправильным или «не должным», если по каким-то причинам не учтена вся необходимая информация, например, не было возможности узнать о побочных действиях определенного медицинского препарата. Таким образом, рациональное действие становится нормативно должным, только если мнения и убеждения субъекта, принимающего решения, являются не только его мнением, но и подлинным знанием. А это, согласно классической формуле «знание – есть обоснованное истинное мнение», требует не только выполнения процедур обоснования, но и соответствия содержания представлений субъекта реальному положению дел в мире.

Возможны и попытки разорвать или хотя бы ослабить связь между рациональностью и обоснованностью и нормативным характером резонов (даже в случае обоснованности и истинности мнений и утверждений). Так, продолжает вызывать интерес идея Дж. Герта, выдвинутая им в работе [Gert, 2004] и получившая развитие в [Gert, 2012]. Его тоже заботит вопрос о том, какую роль играют рациональные основания (резоны) в практическом и, шире, интенциональном действии? По мнению автора, проблема с теориями практической рациональности состоит в том, что резоны (рациональные основания для действия) изначально и автоматически трактуются как нормативные, т. е. предписывающие определенное действие, которое они обосновывают. Иначе говоря, любое рациональное обоснование действия трактуется как предписание. Проблема здесь в том, что резоны могут выполнять роль не только предписания (*requiring reasons*), но и оправдания (*justificatory reasons*). В данном случае перевод «оправдание» представляется более уместным, хотя бы для того, чтобы избежать путаницы с термином «обоснование», который выше использовался в более широком смысле. Таким образом, в сфере практического действия предлагается различать

два типа рациональных оснований (резоннов). Первый тип резоннов – такие, которые требуют от нас некоторого действия (requiring). Второй типа резоннов – обосновывающие, т. е. объясняющие и разрешающие (justificatory).

Так, наличие у меня хорошего голоса делает рациональным пение. Но воздержание от пения при этом нерациональным не является. Это так именно потому, что мы отказываемся трактовать рациональное основание для действия как предписание, а трактуем его как более мягкое «оправдание», т. е. основание, которое вовсе не обязательно воспринимать как нормативное. Как только мы выделяем эти два аспекта, у нас появляется своего рода более объемное видение рациональных оснований (резоннов). В разных измерениях (нормативном и объяснительно-оправдательном) резонны могут иметь разную силу, конкурировать между собой, что помогает понять многие трудности, возникающие в процессе поиска рациональных оснований для действия.

При этом основаниям первого типа (нормативным, требующим от нас действия) он приписывает сильную нормативность. Отказ следовать такому резонну позволяет говорить об нерациональности или даже иррациональности субъекта. В качестве примера приводится требование заботиться о себе и стремиться избегать ущерба в тех случаях, если это можно сделать и этот вред не приносит никакой пользы. В то же время соображение претерпеть некоторые неудобства с целью оказания помощи другому человеку – это оправдывающий резон. Он служит основанием для действия, но не требует его. Действовать на основе такого соображения вполне рационально, однако отказ от такого поведения не может считаться нерациональным. Что дает введение такого различия? По мнению Герта, это позволяет по-новому взглянуть на проблемы объективной и субъективной рациональности, примирить интерналистов и экстерналистов в их бесконечных спорах по поводу рациональных оснований.

Интерналисты готовы считать рациональным основанием лишь то, что вызывает у субъекта действия соответствующую мотивацию, при условии, конечно, правильно выполненной процедуры рассуждения. Отрицая это, экстерналисты указывают на то, что существуют и нормативные основания другого типа, не обязательно создающие у субъекта необходимую мотивацию. Выделение двух типов рациональных оснований – нормативных и объяснительно-оправдательных позволяет, по мнению Герта, примирить обе стороны. Интернализм верен в отношении нормативных, «требующих» резоннов (requiring), так как они должны быть такой природы и силы, чтобы мотивировать к действию рационального субъекта. В то же время экстернализм верен в отношении резоннов объяснительно-оправдательных, поскольку, хотя они вовсе не обязательно мотивируют субъекта действия, при этом отказ от такого действия совершенно не обязательно ведет к при-

знанию такого поведения нерациональным. Итак, два типа резонансов позволяют описать реальную конкуренцию оснований разных типов, сохраняя в то же время возможность трактовать как рациональное действие самый широкий спектр поступков или ситуаций. Тот факт, что у нас есть хорошее рациональное обоснование выполнять некоторое действие, означает лишь возможность или «разрешение» совершить это действие, но вовсе не является нормативным требованием. Кроме того, даже самое хорошее рациональное его обоснование вовсе не обязательно создает соответствующую мотивацию для действия.

При всей привлекательности подхода, который позволяет выделить целый класс действий, которые одновременно рационально обоснованы, но нормативно необязательны, возникают сомнения именно в полном разрыве этих двух типов оснований, когда даже самое сильное основание на шкале «объяснительно-оправдательных» резонансов в принципе не способно создать мотивирующее основание для действия. В качестве примера Герт неоднократно приводит примеры действий альтруистических. Тем не менее при этом возможность возникновения мотивации на основе соответствующего желания сохраняется. Однако механизм возникновения такого желания не вполне ясен. В более позднем тексте Герт описывает его следующим образом: «Желание “запускается” (is triggered), когда мир концептуально представлен определенным образом. В результате информация о том, что послужит триггером такой диспозиции, вероятно, хранится где-то, и потенциально субъект имеет к ней доступ» [Gert, 2012. P. 196]. Этот доступ осуществляется с помощью некоторых «ментальных механизмов», действующих на концептуальном уровне. Такое предположение кажется разумным, так как позволяет объяснить возможность не только осознания, но концептуально-дискурсивного выражения своих желаний.

При этом он делает важную оговорку о том, что, вполне возможно, это верно в отношении не всех желаний. Могут существовать так называемые «рефлексивные» желания, которые «запускаются» в обход механизмов концептуализации. Тем не менее для многих желаний, по его мнению, та или иная концептуальная репрезентация желания является обязательным условием его «запуска». Представляется, что допуск «рефлексивных» желаний, каким-то образом возникающих в обход общей схемы, сильно усложняет картину. Возникает необходимость поиска дополнительных (рациональных?) критериев и оснований для различения теперь уже желаний.

Это краткое обсуждение показывает необходимость учитывать соотношение и взаимодействие различных оснований для действия – внутренних и внешних, объяснительных и нормативных, инструментальных и эпистемических в том пространстве, в котором имеет место рациональный и нормативный выбор. Методологически важным является и учет того, с чего

именно начинаются дискуссии о рациональности и нормативности – либо с некоторых общих презумпций о природе рациональности в целом (таких, например, как необходимость избегать причинения вреда себе или другим людям или необходимость действовать оптимально и эффективно), либо же исходным пунктом рассуждений служит понятие отдельного резона или типа резонансов, из которых уже производится «сборка» той или иной концепции рациональности. Так или иначе, современные обсуждения показывают все большую тематическую интеграцию внутри обсуждаемой проблематики – моральные контексты и шире – контексты практического действия становится очень трудно отделить от эпистемических, требования рациональности и нормативности частично пересекаются, «объективные резоны» интериоризируются и служат материалом для последующих субъективных ретроспективных рационализаций. Но наибольший интерес, пожалуй, по-прежнему вызывает этот неизбежный разрыв между рациональностью и нормативностью – пространство персонального выбора и свободы, в котором даже самые рациональные основания для действия далеко не всегда воспринимаются человеком как нормативное предписание.

Список литературы / References

- Диев В. С.** Проблемы выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 41–51.
Diev V. S. Problemy vybora i prinyatiya resheniy v mezhdistsiplinarnom kontekste [Choice and Decision-Making in an Interdisciplinary Context]. *Bulletin of the Tomsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Politology*, 2013, no. 2 (22), p. 41–51. (in Russ.)
- Шевченко А. А.** Практическая нормативность: внешние и внутренние основания // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 2. С. 42–52.
Shevchenko A. A. Prakticheskaya normativnost: vneshniye i vnutrennie osnovaniya [Practical Normativity: External and Internal Grounds]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 16, no. 2, p. 42–52. (in Russ.)
- Шнедельбах Г.** О рациональности и обосновании // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 297–310.
Schnädelbach H. O ratsional'nosti i obosnovanii [On Rationality and Justification]. *Bulletin of the Tomsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Politology*, 2017, no. 40, p. 297–310. (in Russ.)

Gert J. Brute Rationality. Normativity and Human Action. Cambridge Uni. Press, 2004.

Gert J. Normative Bedrock. Oxford Uni. Press, 2012.

Parfit D. On What Matters. Oxford Uni. Press, 2011. Vol. 2

Williams B. Moral Luck. Cambridge Uni. Press, 1981.

Материал поступил в редколлегию

Received

10.09.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Шевченко Александр Анатольевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Aleksandr A. Shevchenko, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

shev@philosophy.nsc.ru